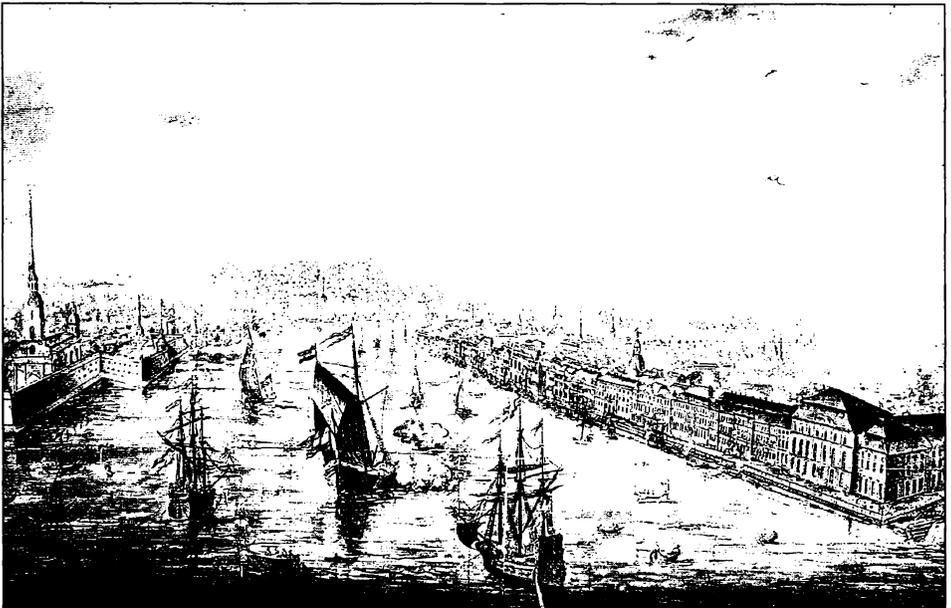

ПРОГУЛКИ ПО ПЕТРОВСКОМУ ПЕТЕРБУРГУ

Прогулка первая: по Заячьему острову

Петербург с птичьего полета

Если бы мы увидели Петербург в 1720-х гг. с высоты, например, колокольни-башни Петропавловского собора, то перед нами открылась бы живописная картина. Несмотря на разбросанность города, его современные очертания сверху угадывались — их уже наметила жизнь. Там, за широкой, напоминавшей англичанам Темзу, Невой парадной «фасадой» стояли красивые дома знати вдоль нынешней Дворцовой набережной —

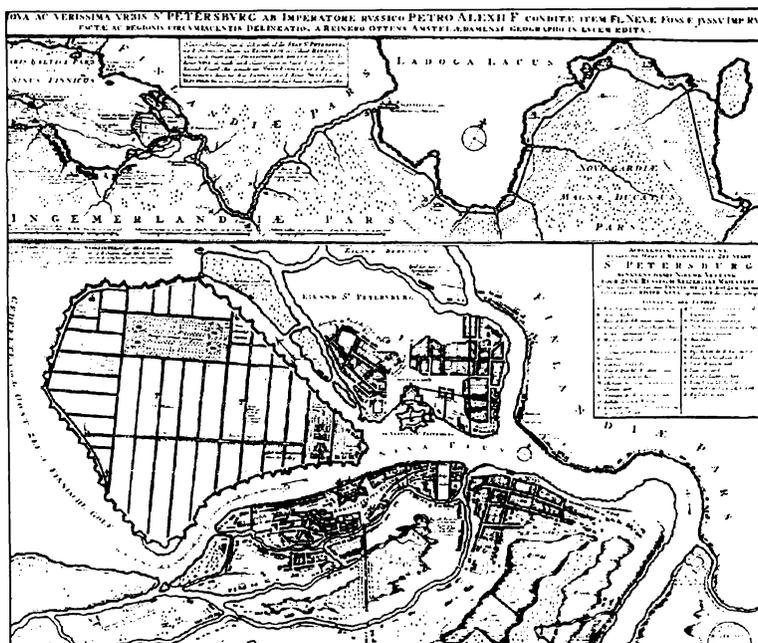

Панорама Невы от Петропавловской крепости. О. Эллигер. 1726—1735

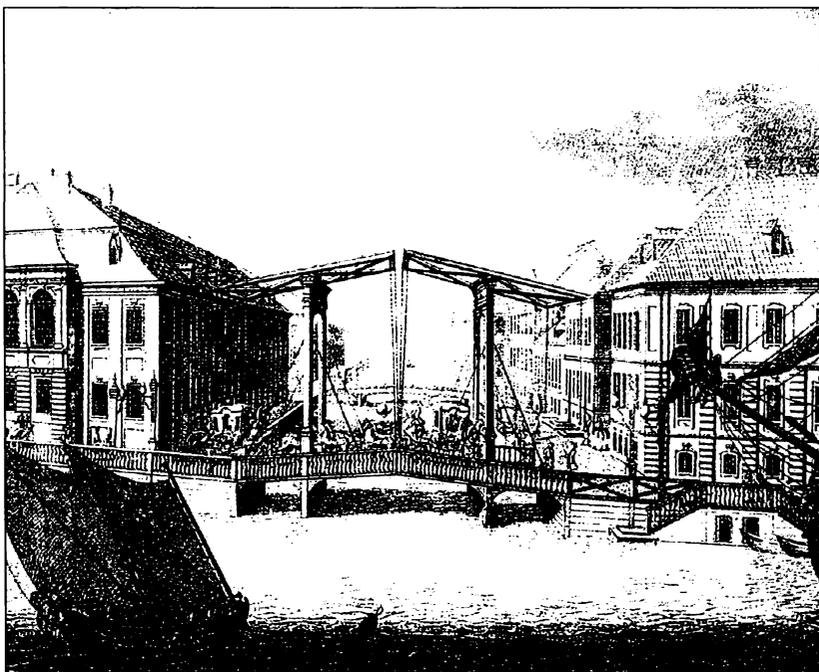
фасад Петербурга, империи. Слева мы увидели бы обширный Царицын луг с выдвинутым к берегу двухэтажным с галереями Почтовым двором — местом публичных приемов, каналы, некоторые из них уже исчезли, как исчез гаванец у Летнего дворца или Красный канал, который шел вдоль Царицына луга. Наши глаза не нашли бы и Екатерининского канала (позже почему-то названного каналом Грибоедова) — он был проложен лишь при Екатерине II.

Левее Царицына луга качались на ветру деревья любимого «огорода» Петра Великого — его Летнего сада. Дальше спускали в Фонтанку буера с Партикулярного двора — верфи малотоннажных судов, дымил печами Литейный двор... На правом берегу построек было больше всего — виднелись крыши солдатских слобод, оживление царило на Троицкой площади: у Гостиного двора, у Троицкой церкви, в порту у причалов. Здесь разгружались корабли, пришедшие со всей Европы. Набережная у Троицкой церкви и кварталы вокруг нее шумом своим напоминали иностранцам живописные торговые набережные Стамбула.

Направо перед глазами разворачивался Васильевский остров. Он казался зеленой громадой, был покрыт густыми лесами. Самой оживленной частью острова была Стрелка и несколько первых линий. Все же остальное сверху выглядело сплошным массивом леса, с несколькими пробитыми

План Петербурга 1718 г. с нанесением на него проектируемой планировки Васильевского острова. *Архитектор Д. Трезини*

Мост через Зимнюю канавку.
*Фрагмент гравюры «Проспект Старого Зимнего дворца с каналом,
соединяющим Мойку с Невой». Е. Г. Виноградов. 1750—1753*

сквозь его толщу просеками. А дальше на западе глаз видел зеленоватую воду залива, постройки Кронштадта, Петергофа, паруса идущих к Петербургу кораблей...

Увидев длинную прямую просеку, уходящую с Адмиралтейского острова к Фонтанке, мы, конечно, догадались бы, что это и есть «Перспектива» (в других документах «Прешпектива», «Преспективная дорога»¹), будущий Невский проспект. Просека была прорублена в 1713 г. и служила главным въездом в город. Голштинский придворный Ф. В. Берхгольц, прибывший в Петербург в июне 1721 г., писал: «Мы въехали в длинную и широкую аллею, вымощенную камнем и по справедливости названную проспектом потому, что конца ее почти не видно. Она проложена только за несколько лет и исключительно руками пленных шведов». Он же писал, что по обеим сторонам ее растут деревья — березы, уточняли некоторые.² Первое название будущего Невского впервые встречается на французском плане Н. де Фора 1717 г., на что обратила внимание в своей диссертации Т. А. Базарова. Будущий Невский упоминается как «боль-

¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 27. Л. 10, 14.

² Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера. М., 1902. Ч. 1. С. 28, 77, 98.

шая дорога из города к монастырю».³ Потом появилось известное название «Прешпектива», или «Большая прешпективная», с 1738 г. она стала называться «Невской прешпективой», а потом уже и Невским проспектом. Леса и болота подступали к современному центру Петербурга со всех сторон — город кончался уже за Мойкой, по Фонтанке в 1718—1724 гг. раздавали участки под дачи и в зарослях по ее берегам охотились на уток.